

Николай Наседкин

УЛЫБКИ
И
УСМЕШКИ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Николай Николаевич Наседкин

Улыбки и усмешки

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57152496

SelfPub; 2020

Аннотация

Наседкин Николай Николаевич – прозаик, литературовед, автор книг «Осада», «Криминал-шоу», «Алкаш», «Меня любит Джулия Робертс», «Люпофь», «Самоубийство Достоевского», «Достоевский: Энциклопедия» и др., вышедших в московских издательствах «АСТ», «Эксмо», «Голос», «Алгоритм»... В «серьёзной» прозе Н. Наседкина нередко трагическое и смешное, как это и бывает в жизни, соседствует, перемежается, неотделимо одно от другого. В данном же сборнике представлены чисто юмористические, наполненные иронией и сарказмом, короткие произведения, многие из которых посвящены литературе, писательскому творчеству. Содержит нецензурную брань.

Содержание

УРОК ЛИТЕРАТУРЫ	4
Пушкин – брат Козьмы Пруtkова	4
Непечатное издание	8
Рецензия	11
Есть ли критика?	15
Классики в газете	20
Тамбовские байки	24
ГРИМАСЫ ЖИЗНИ	32
(А)моральный кодекс строителя капитализма	32
Нарочно не придумаешь	34
ЗАНОЗЫ	38
ЗАМЕТКИ ЗОИЛА	64
«Ундервуд» с дискетой	64
Макулатурная память	67
Конец ознакомительного фрагмента.	69

УРОК ЛИТЕРАТУРЫ

Пушкин – брат Козьмы Пруткова

За последнее время мы привыкли к сенсациям политическим, экономическим, историческим, криминальным и всяким прочим. Но случаются ещё сенсации-открытия и в мире литературы. О них известно меньше – как-то не до литературы сейчас, да и говорится-сообщается о них в изданиях сугубо специальных, малотиражных. О такой литсенсации и пойдёт сегодня речь.

В журнале «Классическая литература» (№ 3 за этот год) появилась статья израильского литературоведа Арона Шулермана «Мифический поэт», которая, без преувеличения, потрясёт всю читающую Россию. За недостатком места не будем подробно излагать сенсационную гипотезу почтенного филолога, а суть её вкратце такова: великий поэт Александр Сергеевич Пушкин – это гениальная мистификация. История литературы знает примеры такого рода. Так и не доказано, например, существовал ли на самом деле легендарный Гомер, до сих пор спорят о том, является ли автором «Гамле-

та», «Отелло» и прочих бессмертных пьес Уильям Шекспир, да и мистификация с нашим незабвенным Козьмой Прутковым разоблачена была далеко не сразу – современники долгое время верили в реальное бытование на свете такого колоритного сочинителя.

Арон Шулерман предполагает, что и Пушкин – это тоже всего лишь литературное имя. Вернее, человек такой жил-существовал: родился в 1799 году, учился в Лицее, погиб на дуэли в 1837-м. Всё, как и описано биографами-пушкинистами. За исключением одного: реальный Пушкин если и пописывал стишки, то весьма посредственные. Всё началось, по версии Шулермана, с лицейского экзамена, на котором присутствовал Державин. Стихотворение «Воспоминание о Царском Селе», которое читал перед патриархом русской литературы юный Пушкин – это плод коллективного сочинения его приятелей Дельвига и Кюхельбеккера. Придумали они это шутки ради, да и хотелось поразить великого пиита: дескать, вот как лицеисты умеют сочинять! Доверили же играть роль юного поэта Пушкину – как самому бойкому. Кстати, много лет спустя друзья Пушкина как бы проговорились, поставив в известной строке местоимение во множественном числе: «Старик Державин НАС заметил и, в гроб сходя, благословил...»

Постепенно шутка затянулась, переросла в серьезное, эпохальных масштабов дело. В творчестве Пушкина принимали участие более десяти литераторов, как бы создавая кол-

лективно русского гениального писателя. Пушкин в поэзии – это уже упоминаемые лицеисты, а кроме них свою лепту внесли Жуковский, Веневитинов, Тютчев и даже молодой Лермонтов. Недаром потом в своем знаменитом стихотворении «Смерть Поэта» он обмолвится:

*Погиб Поэт! – невольник чести,
Пал, оклеветанный молвой,
С свинцом В ГРУДИ и жаждой мести...*

Какая там грудь! Реальный Пушкин, как известно, был ранен в самый низ живота, почти в пах, но юный Лермонтов приподымает реальность, романтизирует: да, русская литература была смертельно ранена в самое сердце – уже никакими коллективными усилиями второго такого гения не создашь.

Что касается прочих жанров, то здесь случай играл ещё большую роль. Бывало так, что иные произведения крупных литераторов по тем или иным причинам под их именами публиковать было невозможно, и тогда они появлялись на свет под фамилией Пушкина. Так, «Капитанская дочка», «Повести Белкина» и большинство других прозаических вещей, а также «История пугачевского бунта» принадлежат на самом деле перу Карамзина. А «Борис Годунов» и «Маленькие трагедии» были обнаружены в архиве Грибоедова после его смерти.

И при жизни Пушкина и уже более полутора веков после

его гибели исследователи жизни и творчества поэта не перестают удивляться: какой контраст между Пушкиным-пьяницей, повесой и дуэлянтом в жизни, и Пушкиным-творцом, какая фантастическая широта жанров и тематики в его творчестве, какие удивительные перепады в стиле и слоге...

Что ж, гипотеза Арона Шулермана во многом проливает свет на эти странности.

Непечатное издание

В редакции газеты «Губернскія чернуха энд порнуха» – летучка. Главный редактор окидывает пламенным взором шайку борзописцев, как шутейно именует он в спокойную минуту своих поджарых помощников-подельников, скребёт заскорузлым пальцем в давно не чёсанной бороде и рявкает:

– Ась?! О народишке позабывать зачали? О быдле, для коего газетку нашу стряпаем, а?.. Кстати, плюйте тому в харю, кто наши «Губернскія чернуху энд порнуху» бульварной газеткой обзовёт. Какая ж она бульварная, коли в городе нашем бульваров вовсе нету? Она у нас, напротив, – скверная газетка, ибо скверов у нас полным-полно.

Так вот, чево-то вы, фраера-рецидивисты газетные, халтурить принялись. В последнем номере «ГЧП» вон чего проскочило, какая корявая фраза (раскрывает газету и, зажимая нос, вычитывает): «Он убил её ножом». Ась? Чему я вас только учил! Вот как надо: «Жутко оскалившись, он с леденящим душу криком схватил громадный страшный тесак с зубренным леденящим сердце лезвием и вонзил в беспомощную жертву по рукоять, которая завизжала леденящим уши голосом! Хлынул водопад кровавой крови!» Усекли?

– А это что? – ревёт дальше леденящим загривки подчинённых голосом редактор. – Зачем это плоскогрудую лахуд-

ру на первой полосе тиснули, да ещё и в такой скромной позиции? Учю вас, учю – посиськастее надо, порасщеперистее на первую. От газеты нашей должен запашок клубнички подкисшей клубиться, чтобы приванивало сально – читатель-обыватель должен душок за версту чують, на него должен бежать и раскошелиться.

– И ещё! – орёт леденящим пятки юных борзописцев голосом редактор. – Во всём номере всего-навсего тридцать пять опечаток и всяких прочих ляпов. Вы что же это, с нормальными газетами сравняться вознамерились? Мы чего, для вшивых ынтылликхентов, что ли, сочиняем-пишем-стряпаем? Чтобы не менее полста ошибок ляпали, а не то!.. И сенсаций давайте, сенсаций – покровянее, позапашистее!

– Шеф, – робко квакает один из патлатых гэчэпистов, – мы шухер-мухер наведём, мы исправимся – век свободы не видать! Для следующего номера уже и гвозди есть, и шилья – всё путём. Вот, слушай (громко, взволнованно читает): «Леденящий тело ужас приподнял скотника Алкашова над землёй и потряс. Волосья его встали дыбом. Продрыхнув утром с похмела, ёлы-палы, он увидел, что укокошил намеднись лемехом от плуга жену, тещу, соседку, собаку, двух тараканов и кастрировал самого себя...»

– А вот ещё: «Девушка-свинарка 42-х лет в пьяном угаре изнасиловала, бля, восемь мужиков извращенческим способом, при этом они кричали леденящим пупок голосом...» А? Каково, шеф?

– Гм, неплохо, ёлы-палы, я бы даже сказал – клёво! Шевелите, шевелите рогом. Лопуха-обывателя ошарашить надо, под дых ему шибануть. Обыватель нынешний одного требует – хлеба и чтива!..

Летучка заканчивается. Юнкоры-гэчеписты, кровожадно урча, разбегаются в поисках кровавых сенсаций. Редактор врубает редакционный компьютер, придвигает поближе калькулятор и принимается подбивать бабки: сколько барышей на хлеб с чёрной икрой принесли ему за последний месяц скверная его газетёнка да приложения к ней – «Чёрный гробик» и «Сексгадалка».

Барыши приятно приванивали.

Рецензия

Редактор респектабельной местной газеты взялся читать очередной материал своего молодого сотрудника Ануфрия Вязанкина – рецензию:

«Виват! Ура! Свершилось! Никогда ещё книги, подобные сборнику стихов Скучномира Серого «Символ абракадабрности», у нас не выходили. Наши издатели всегда слепо шли на поводу у примитивных наших читателей. Москва, страшно сказать, смотрела на наш город как на амбивалентно глухую литпровинцию. И вот теперь книга Скучномира Серого обратит наконец на болото наше изумлённое внимание всей Европы, Америки, а может быть, даже и – Израиля! Ура-а-а!

Почтенным старичкам из Шведской академии не придётся теперь ломать седые головы – кому отдать ближайшую Нобелевскую премию. Фонд Сороса просто обязан свой самый большой грант выделить нашему Скучномиру Серому. А Букер поступит просто-напросто глупо, если и в этом году свою вкуснопахнущую премию присудит пусть и авангардному, но романисту в этой стране (я имею в виду нашу убогую Русь), а не, как должно, нашему гениальному земляку-поэту.

Скажу сразу и честно: стихи Серого – не для рядового читателя. Даже я с трудом вник в их смысл, вернее, с радостью

убедился, что в смысл вникнуть невозможно. Это и грандиозно! Это и футуристично! Кто ищет в поэзии смысл, пусть читает всяких там рубцовых, есениных, пушкиных наконец, но пусть не лезет со своими потными подмышками в наши элитарные круги.

Итак, вчитаемся в Серую абракадабру, или, иначе говоря, в абракадбру Серого. Она может показаться на первый взгляд даже и заумью. Но каковы у Серого реминисценции, а! Каковы ассоциации и пертурбации! Вот, к примеру, в стихотворении «Атлантида-сити» встречается буква-звук «у». Что это? Догадываетесь? Ну, конечно же, это чётко выраженный литературный ареол из Велимира Хлебникова. А вот в стихопоезе «Пена мусора» совершенно отсутствуют знаки препинания... Во-первых, это же явное и гениальное подражание Алексею Кручёных, а во-вторых, – какая экономия выразительных, типографских и денежных средств!

Отметим, что наш Серый не чужд посостязаться и с пресловутым Пушкиным. Так, у него (у Серого) на стр. 137 встречается словечко «мгновенье», и в памяти подготовленного, как я, читателя, конечно же, сразу отзвуком задиссонансирует – «Я помню чудное мгновенье...» Удивительное мастерство! (Я имею в виду Скучномира Серого.)

Особенно потрясли меня поэма про ежа, который изнасиловал ужа (или наоборот – там разобраться-понять трудно), и то запредельно-гениальное место в сборнике, где описывается, как слова говорят словам о словах при словах словами,

не употребляя при этом слов... Пот-ря-са-ю-ще!!!

Конечно, нашлись сразу злопыхатели-завистники, закричали, будто Серый просто-напросто выёживается и словоблудит. Что с этих критиканов возьмёшь – серые! Они не в состоянии понять элитарную поэзию Серого. Как не может какой-нибудь работяга или пейзажник раскушать прелесть и элитарность сыра рокфор. Да, не каждому дано понять вкус этой возвышенной плесени!

И последнее: пускай пока мало в нашем диком чернозёмном захолустье таких, как я, испытывающих контрапунктную ауру при чтении творений Скучномира Серого. Но мы должны активно презирать и бороться с моноструктурной местной литературой и андеграундно поднимать квинтэссенцию стилевого содержания поэзии, чтобы лексическое наполнение фабульной основы не доминировало над формой.

Поэтому я и кричу, обращаясь к родимым нашим власть имущим благодетелям, которые уже выделили толику средств на издание этой «Абракадабры»: даёшь ещё денег на переиздание шедевра Скучномира Серого массовым тиражом! Книгу «Символ абракадабрности» – в каждый дом, в каждую детскую и, пардон, колхозную библиотеку! Ура!»

Редактор покрутил заболевшей головой, сморщился и чертыхнулся:

– Чёрт, ничегошеньки не понял! Но ставить надо – элитарность, рокфор, Москва, Израиль...

Он тяжело вздохнул и подписал рецензию в набор.

Есть ли критика?

Дискуссия на страницах «Окололитературной газеты»

ОТ РЕДАКЦИИ

Мы долго думали, прежде чем решились открыть дискуссию в нашей почти что уважаемой газете на такую, прямо скажем, пряно-острую тему. Во-первых, подумали мы, получится ли дискуссия (то есть, спор – в переводе с иностранного, что ли?) на такую тему, скажем откровенно, острую и пряную, если спорить здесь, собственно, не о чем? Во-вторых, сомневались мы, если и получится эта так называемая дискуссия, – нужна ли она нашим почти что многочисленным читателям? А в-третьих, размышляли мы, если и получится и даже нужна – сумеем ли мы вовремя прекратить её и завершить каким надо послесловием от редакции?!

Страхи и сомнения позади – дискуссию нам разрешили.

Её мы начинаем без всякого желания с нашей стороны, прямо скажем, слишком остропряным письмом широко неизвестного в окололитературных кругах поэта-кубиста Такого-то.

ВОПРОСА НЕТ!

Есть ли критика?.. Для меня лично вопроса нет. Есть! Есть!! И даже – жрать!!! Я лично съел бы его без соли и хлеба, каналью!!!! Стоит только два-три кубометра моих гениальных стихов где-нибудь протолкнуть, как этот писака тут же обрушивается на них!.. Есть и жрать!!!!!!!

ТАКОЙ,

поэт-кубист.

БОЖЕ СОХРАНИ!

Анадясь лицезрел я в издании вашем, наиглубокоуважаемая редакция, грамотку виршеплёта Такого-то. Ажник сле-

за меня проняла – какова крамола! Егда бы Критика на свете не было, кто бы нам, достойным, хвалу расточал? Критик нужен, пускай живёт и благоденствует и вкуче с нами, истинными подвижниками глагола, народишко простой вразумляет. А уж мы Критика благорасположением нашим ужо не оставим.

СЯКОЙ,

прозаик-ухреалист,

лауреат премий колхоза «Красный хомут»

и Мочевично-бобового завода,

кавалер набрюшного значка «Ударник тяжёлого сло-

га».

АМБИВАЛЕНТНОСТЬ КОНГЕНИАЛЬНОСТИ

Вступая в дискуссию, испытываю контрапунктную ауру в душе. Предыдущие оппоненты не смогли вычислить сюрреалистическую структуру темы, заявленной в заглавии дискуссии. Критика – это ведь критики. Важно синтезировать, что трансцендентальнее – бытие критики или критика бытия? Или, моноструктурнее говоря: критика как литература или – критика как квинтэссенция стилевого содержания художественного текста? Вот в чём вопрос, как констатировал

Шекспир.

Отсюда ясно, что сюжетное построение фабульной основы в её лексическом наполнении композиционно доминирует в стилистических пластах данного предмета дискуссии.

Что касается критики, она есть – образец, как говорится, перед вами.

Nulla dies sine linea!

РАЗЭТАКИЙ,

критик, литературовед.

ГЛАС НАРОДА

Уважаемая редакция! В перерывах между летне-стойловыми и зимне-посевными работами всем коллективом нашего отсталого хозяйства от нечего делать читаем "Окололитературку". Бывает интересно. Особенно про политические потрясения на Фильдеперсовых островах. Но сейчас речь не об этом. Внимательно вот уже четвёртый год следим за ходом дискуссии "Есть ли критика?" Дюже интересно! Только объясните всё же толком, что такое – критика? Одни из нас думают одно, а мы – другое. С уважением!

Простые труженики, жители деревни Кудамакарте-лятнегоняловки

СИДОРОВ, ГУСЕВ, ЧУПРИЧИН, НОВИКОВ, ИВАНОВА, ИВАНОВА, ИВАНОВА, АННИНСКИЙ, ЗОЛОТУСКИЙ, КОЖИНОВ, ОСКОЦКИЙ, БОЧАРОВ и др. (всего много подписей).

ОТ РЕДАКЦИИ

Уф! Вот и закончилась наша дискуссия. Многие прозаики, поэты, критики подзаработали в ходе её гонорарий. Мнения, как видим, разделились. Социалистический плюрализм торжествует! Редакция в чём-то согласна с теми, кто высказал одну точку зрения. Но, в то же время, есть и рациональное зерно в суждениях тех, кто высказал другую точку зрения.

Ребята, давайте жить дружно!

Классики в газете

ПОПРАВКА К ИСТОРИИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Молодой поэт Миша Лермонтов принёс редактору молодёжной газеты новые стихи. Редактор прочитал:

*И скучно и грустно, и некому руку подать
В минуту душевной невзгоды...*

– Ты знаешь, совсем неплохо, – сказал он обрадованному поэту. – Конечно, не шедевр, но весьма неплохо. Правда, надо будет подработать. Без этого у нас нельзя – областной уровень. Но ты не волнуйся, Миша, я сам подправлю...

Через несколько дней Лермонтов раскрыл свежий номер «Младого племени» и увидел:

*Не скучно не грустно, и есть кому руку подать
В минуту душевной невзгоды...*

Он достал свой дуэльный пистолет, подсыпал на полку су-

хого пороху и приставил дуло к виску.

– Мишель, подожди Мартынова! – вскричал кто-то из его приятелей.

– Зачем? – грустно ответил Михаил Юрьевич. – Меня уже убил редактор «Младого племени».

И он нажал спусковой крючок.

УГАДАЙ ПРОИЗВЕДЕНИЕ

Несколько классиков предложили свои произведения в газету. Вскоре на её страницах появились аннотации о предстоящих публикациях этих произведений, но почему-то их названия в редакции были изменены. Догадайтесь: о каких произведениях идёт речь?

«Намеченное – выполним!» – исторические записки Л. Н. Толстого о том, как русский народ принял на себя повышенные обязательства полностью и в кратчайшие сроки изгнать французов из страны в 1812 году и намеченное с честью выполнил.

«Будни народного контроля» – проблемный материал Н. В. Гоголя о том, как народные контролёры на иных местах работают не в полную силу, никто в лицо их не знает и даже бывают случаи, когда за контролёра принимают совсем по-

стороннего проезжего человека.

«За преступление – к ответу!» – судебный очерк Ф. М. Достоевского о представителе молодёжи, вставшем на тяжкий путь нарушения законности и правопорядка и понесшем заслуженное наказание, также размышления автора о том, как равнодушие окружающих молодого человека людей и общественных организаций способствовало совершению преступления.

«Выбор цели» – поэтическая зарисовка А. С. Пушкина о представительнице молодого поколения, активистке, которая твёрдо выбрала свой жизненный путь, в том числе и мужа.

ИЗ ПРИКАЗА ПО РЕДАКЦИИ

«Сотрудник отдела культуры и искусства И. А. Гончаров, возвратясь из длительной командировки, привёз всего лишь одну серию очерков под неудачным и плохо продуманным названием «Фрегат “Паллада”». Таким образом, за данный период работы коэффициент трудового участия (КТУ) т. Гончарова составил менее ста строк в день, что является ниже нормы.

В связи с вышеизложенным приказываю:

§1.

Гончарову И. А. строго указать.

§2.

Предупредить т. Гончарова, что в случае повторного с его стороны нарушения творческой дисциплины он будет переведён в отдел сельского хозяйства сроком на три месяца.

Редактор газеты.

Тамбовские байки

ПИСАТЕЛЬ-КУЛИКАЛА

Слово «кулика**ла**» (с ударением на предпоследнем слоге) в переводе на современный язык означает всего лишь – алкаш, пьянчуга. Увы, такой титул заслужил самый первый писатель земли Тамбовской – Пётр Михайлович Захарьин. Ему помог выбиться в писатели сам Гаврила Романыч Державин, тогдашний наместник тамбовский и знаменитый пиит.

Главное произведение Захарьина, длиннющая повесть «Арфаксад», сегодня не интересует даже специалистов-филологов, а вот фраза-характеристика о Захарьине в «Записках» Державина дошла до наших дней: «...он несколько недель с приятелями своими не сходил с кабака, ибо также любил куликать». Так расправлялся Пётр Захарьин с первыми гонорарами.

С тех пор по примеру праотца тамбовской литературы большинство (если не все!) тамбовские писатели считают своим долгом с каждого гонорара неделями «не сходить с кабака» и от души куликать...

Чтобы хоть как-то остаться в истории российской словес-

ности!

ОТВЕТ ДЕРЖАВИНА

О самом Гавриле Романыче Державине ходит такая байка. Как известно, против его благородных и честных нововведений на посту тамбовского наместника всячески боролись местные чиновники-казнокрады и купцы-хапуги. Врагов у поэта хватало.

И вот как-то на улице в присутствии толпы один из местных богатеев-самодуров взялся бранить и поносить Державина. Гаврила Романыч спокойно выслушал хмельного помещика, глядя на его лысину (тот взопрел от возбуждения и даже парик снял), а затем сказал:

– Над тобой смеяться я не стану. А вот волосы твои похвалю: они правильно поступили, сбежав с такой глупой головы!

ОБЛЕГЧИЛ ДУШУ В ОДИНОЧЕСТВЕ

Тамбовский поэт и журналист Г. (ныне покойный) славился своими приколами, совершёнными в хорошем подшофе. Однажды, к примеру, он после изрядного застолья ехал в троллейбусе домой. Народу, несмотря на поздний час, хватало – возникло естественное желание пообщаться.

– Товарищи, а погодка-то?

Все молчат, отворачиваются.

– А луна-то какая – красотища! – не понимает Г.

Ему опять никто не отвечает.

– Ну, раз никого нет, – расстёгивает он ширинку, – тогда я отолью...

МИЛИЦЕЙСКАЯ ЛЮБОВЬ

А вот с известным тамбовским поэтом Аркадием М. сама жизнь-злодейка постоянно творит приколы. Дело в том, что Аркадия чрезмерно возлюбила наша доблестная милиция: стоит поэту выпить чуток – обязательно привяжется. Дело

доходит иной раз в прямом смысле слова до анекдотов.

Не так давно, к примеру, его опубликовали в Москве в коллективном сборнике. Собрался Аркадий в первопрестольную за гонорарием. Только в вагон сел, тут же достал припасённую бутылочку и вознамерился на радостях клюкнуть. Откуда ни возьмись – два сержанта: пожурили, бутылку отобрали, протокол составили и штрафанули.

В столице Аркадий гонорар (и довольно приличный по нашим временам) получил, в ресторане Дома литераторов его обмыл и к Павелецкому вокзалу, как и положено поэту, на тачке подкатил. Билет купил, а до поезда еще часа четыре, и пива хочется. Взял наш Аркадий пару «Жигулёвского», устроился скромно на ступенечках и попивать-смаковать принялся. А патрульным, опять же двум сержантам, возьми это и не понравься: ведь Аркадий развалился в позе отдыхающего Нерона со своими двумя бутылками аккуратно перед главным парадным входом в вокзал. Ему же на людях хотелось пивка попить!

Доставили тамбовского пиита в дежурку, подержали час в клетке-загородке вместе с проститутками и наркоманами, оштрафовали и выпустили.

Идёт Аркадий по улице Кожевнической обратно к Павелецкому, ругается, конечно, от души и вслух, а навстречу новый патруль:

– Пройдёмте, гражданин!

– Помилуйте, – взмолился бедный Аркадий, – да я от вас

только!..

Ничего не хотят слушать «менты поганые»: скрутили поэта и доставили по назначению. Протокол составили. Оштрафовали.

Опять плетётся Аркадий к родимому вокзалу, чуть не плачет. Дабы успокоиться, свернул к ближайшему ларёчку-комку, принял кой-чего на грудь и пиво сверху добавил. Присмотрел и укромное местечко неподалёку, чтобы прежде пиво отцедить...

И пристроиться толком не успел, как его опять хватают, опять пытаются руки ему выкручивать, куда-то тащить хотят... Мать честная, да сколько ж этих патрулей в Москве-матушке!? И опять Аркадию М. пришлось уплачивать штраф – благо гонорарные деньги ещё не все иссякли...

Ну уж на этот раз он к вокзалу взялся вдоль стен и заборов пробираться, совсем молча и поминутно крестясь. До отхода поезда оставалось полчаса. Аркадий уже на перрон выруливал, уже родимый 31-й скорый узрел, как вдруг увидел впереди двух людей в милицейской форме. Они направлялись прямо к нему, к Аркадию...

И нервы поэта не выдержали: он завизжал нечеловеческим голосом, выхватил остатние деньги из кармана и бросился к ментам сам:

– Натe, штрафуйте, гады! Всё заберите! И квитанцию себе в задницу засуньте – у меня их девать уже некуда! Ваша сила! Штрафуйте!

На счастье Аркадия М. майор и капитан внутренних войск находились сами подшофе и в благодушном настроении – кого-то провожали в путь. Они посмеялись над Аркадием, как могли его успокоили и даже помогли сесть в вагон.

И тем самым сохранили большого и легкоранимого поэта для тамбовской литературы.

ЛУЧШЕЕ СРЕДСТВО ХОРОШО ВЫГЛЯДЕТЬ

Два тамбовских писателя идут за гробом своего собрата по перу.

– Глянь, – говорит один другому, – как Иван хорошо в гробу выглядит – даже помолодел.

– Ну еще бы! Он же уже третий день не пьёт!

А ГДЕ Ж ВИНОВНИК ТОРЖЕСТВА?

В деревне Софьинке Умётского района, на родине Е. А. Баратынского, завершился очередной, уже традицион-

ный, праздник поэзии, посвящённый известному русскому поэту. Журналист, собирающий материал об этом поэтическом празднике, спрашивает местную старушку, понравился ли он ей?

– Ничего, славный праздничек, милоч... Да вот беда – сам Баратынский-то опять не приехал!..

ОБНАДЁЖИЛ

К известному тамбовскому издателю и писателю А. М. Акулинину пришла местная поэтесса с рукописью очередного сборника. Она отдала ему папку и, кокетливо закатив глаза, призналась:

– Эти стихи содержат самые интимные тайны моего сердца!..

– Не волнуйся, – сказал Александр Михайлович, – о них никто, кроме меня, не узнает.

ТВОРЧЕСКИЙ МЕТОД ЮМОРИСТА

Не так давно умерший известный тамбовский поэт, сатирик и юморист Геннадий Попов славился тем, что очень быстро писал свои юморески. Товарищи как-то поинтересовались у него – в чём же причина такой спешки?

– Поспешишь – людей насмешишь! – ответил Геннадий Александрович.

ГРИМАСЫ ЖИЗНИ

(А)моральный кодекс строителя капитализма

Будь предан и продан делу капитализма.

Стыдись своей ещё некапиталистической Родины, беззаветно и рабски люби страны капитализма, а особенно – Соединённые Штаты Америки.

Сотвори себе кумира в виде доллара и поклоняйся ему.

Добросовестно трудись на благо личного обогащения: свой кошелёк – ближе к телу.

Будь индивидуалистом: один против всех, все на одного.

Живи по законам джунглей: человек человеку – враг и тамбовский волк.

Почитай отца твоего и мать твою – если они богаты и умножают наследство тебе путями неправедными.

Кто ударит тебя по правой щеке, тому выбей око за око и зуб за зуб, а потом ещё переломай ему и руки-ноги с помощью своих братков.

Убивай.

Прелюбодействуй.

Воруй.

Лжесвидетельствуй.

Желай жены ближнего твоего и особняка ближнего твоего, и дачу его, и качков-охранников его, и «мерседеса» его, и всего, что есть у ближнего твоего. А также и у дальнего твоего.

Аминь!

Нарочно не придумаешь

Автор, будучи студентом факультета журналистики МГУ, собирал-коллекционировал вместе с товарищами-однокурсниками убойные выдержки из писем трудящихся в газеты и журналы. Ежедневные летние практики в редакциях давали для коллекции богатый материал. Вот небольшой фрагмент из этой коллекции.

ИЗ ПИСЕМ В ЖУРНАЛ «ЗДОРОВЬЕ»

- Правда ли, что от веснушек можно избавиться, если опустить лицо в муравейник на 5-6 сантиметров?
- Ваши статьи о половом воспитании способствуют укреплению нашей воинской дисциплины.
 - Я лечился десять лет, из них семь лет в тюрьме.
 - Я себя чувствую, но плохо.
 - Я пошла к врачу, начала говорить о решениях съезда, а он говорит: «Больничный я вас не дам!»
 - Я работаю учительницей, но сильно гнусавлю. Вы ведь не хотели бы, чтобы вашему сыну преподавал учитель-гнус?
 - Я плаваю в половом вопросе по верхам, т. к. знаний в

институте не получил.

· Я не могу иметь детей. Если есть хорошего качества и проросшие зародыши, нельзя ли их завезти в аптеки г. Тамбова?

· Что такое аборт? Мои подруги думают одно, а я – другое.

· Если бы я был полноценным мужчиной, как было бы приятно и мне, и окружающим.

· Я страдаю половой слабостью по месту жительства.

· Она оскорбляет нас отлагательными прилагательными сексуального порядка.

· Я ни с кем не была в анатомической близости.

· Моя жена без сношений слепнет.

· Могут ли от полового сношения ноги стать кривыми?

· Когда мне было 15 лет я прочёл в журнале «Здоровье» про онанизм и решил попробовать сам.

· Как вступить в половое сношение, чтобы не обидеть женщину?

· Адрес на конверте: Москва, журнал «Здоровье», отдел половых сношений и климакса.

· Я очень быстрый в жизни с женщинами. Как жить в таком случае?

· Прочитал вашу статью в журнале, но не понял, что такое шейка матки.

· С семи-восьми лет в нашей деревне начинают заниматься онанизмом. Попал в эту группу и я.

ИЗ ПИСЕМ В ГАЗЕТУ «ИЗВЕСТИЯ»

- Буду писать прямо, причём по национальности я – киргиз.
- Я заболел, ушёл в болезнь целиком: даже перестал платить профвзносы.
- Мне 39 лет. Работаю передовиком производства.
- Мне 25 лет. Не замужем в исконно российском смысле этого слова.
- Прошу именем закона о девочках, выведенных из строя через обманутую честь, лишить его звания офицера.
- Я прошу вернуть моего мужа в первобытное состояние, т. е. демобилизовать из армии.
- Я проживаю с единственной сестрой-девушкой 67 лет.
- Гражданин ворвался в общежитие рабочих девушек, хватая за неположенные места, которые сопротивлялись.
- Она смазала меня по челюсти так, что начался массовый падёж зубов.
- Я живу со своим мужем, как Анна Каренина: ни расписана, ни прописана.
- В настоящее время я глубоко беременна третьим ребёнком.
- Никакого изнасилования между нами не было.

- В результате плохих условий труда я заболела внематочной беременностью.
- Из всей моей семьи только мой член трудоспособен.
- Он говорит, что это было в экстазе, а я точно помню, что это было в сарае.

ЗАНОЗЫ

(Из записных книжек)

Писатель – Герой Соцреалистического Труда.

Гимн лесбиянок советских времён: «Все подружки по парам в темноте разбрелися, только я в этот вечер засиделась одна...»

Каждой колхозной библиотеке – роман Джойса «Улисс»!

Все мы живём-находимся на склоне, стараясь не видеть края пропасти, к которому неуклонно приближаемся-скатываемся и рано иль поздно упадём в бездну, ослабев от возраста, болезней или несчастного случая...

Радио: «Передачу начинаем с водкой... новостей».

По наличию галстука всегда можно отличить *уважаемого* человека от *народа*.

Книгу А. И. Солженицына «Бодался телёнок с дубом» гебисты используют как учебник.

В буфете ЦДЛ каждый посетитель Гоголем ходит.

Если есть «Советское шампанское», значит должна быть и «Французская московская».

Писатель может сказать: «Мозги чешутся по работе!»

Ни дня без строчки?.. Нет, уж лучше – ни года без Болдинской осени!

Графоманам всегда кажется, что их место в литературе занимает кто-то другой.

Какому-нибудь Потапенко легко было хвалить Чехова, потому что – правда. Но и Чехову легко было похвалить Потапенко – от широты душевной, с высоты таланта.

Литературно-авансовая наглость Бабея.

Писатели любят стриптизировать душой. Э. Лимонов в романе «Это я – Эдичка» обнажился до кишок.

Профессор-филолог как жук-трупоед копался в умерших словах.

Развязная закомплексованность.

Миловидная интеллигентного вида девушка с большими печально-томными глазами, широко разинув пасть, зевнула.

Хармсоватый юмор.

Чтобы воспринимать творчество Д. Хармса, надо быть сильно *хармснутым* и *хармсанутым*.

Рекламщики любят демонстрировать на экране оральное отверстие женского тела.

Анти-Лермонтов: воздух грязен и вонюч, как поцелуй похмельного алкаша.

Анти-Экзюпери: Самая величайшая тягость на свете – это тягость человеческого общения.

Раздражают не прыщи на лице, раздражает *непрыщавое* поведение их хозяина-владельца.

Дурнушка, которая держит себя дурнушкой – вызывает жалость. Дурнушка, которая держит себя красавицей – вызывает раздражение. Красавица, которая держит себя красавицей – вызывает восхищение и даже страсть. И только кра-

савица, которая держит себя дурнушкой – способна вызвать любовь, подлинное глубокое чувство.

По улицам бродили одинокие люди, начитавшиеся Дейла Карнеги.

Не так сладок сам поцелуй, как воспоминания о нём.

Фамилии критикессы: Даженеиванова.

Авангардную, так называемую «элитарную» литературу можно сравнить с сыром рокфор: едят немногие, кушают манерно и ставят своим вкусом нормальных людей в тупик.

В литературе (и вообще в искусстве) только один критерий бесспорен: нравится – не нравится.

Из характеристики демократа 1990-х: выблядок компартии.

Человек при разговоре в трёх случаях уводит взгляд в сторону: когда стыдится, когда боится и когда разговаривает с дураком.

Окружающая действительность требует просторечия.

Писатель-букермен.

Россия блядьми славится. Но всё равно удивительно: откуда их столько отыскалось для радио- и телерекламы – сплошь блядские голоса!

Босховские времена.

Из воспоминаний профессора о студенческой юности в пединституте: «Я был студентом-педиком...»

Предновогодняя распродажа со скидкой цен.

Старичок решил помолодеть самым лёгким способом – выбрал пепси.

Лицо человеческое – зеркало истории: когда смотришь, к примеру, на Зиновия Гердта – веришь: да, человек произошёл от обезьяны; когда смотришь на меня – не сомневаешься: да, монголо-татарское нашествие на Русь было.

Прочитал «повесть» Ю. Нагибина «Тьма в конце туннеля» и захотелось уточнить в словаре, что такое – «старческий маразм»?

Посмотрел «Похороны Сталина» Евг. Евтушенко... Чёрт

побери, да что такое всё же – «старческий маразм»?!

Пишущие делятся на три вида: 1) писатели, 2) собаки и 3) графоманы. Писатель – есть что сказать людям и может сказать; собака – есть что сказать, но не может; графоман – и сказать нечего и говорить не умеет, однако ж говорит, говорит, говорит...

Есть писатели популярные и такие, которых знают два-три студента и десяток психбольных. Естественно, вторые причисляют первых к «масскульту».

Средства массовой дезинформации.

Подвиды литературы: сортирная проза, скатологическая поэзия, фекальная драматургия...

Есть писатели, которые пишут гениально, но скучно. Большинство же пишут просто скучно.

Надо обязательно читать творения своих сотоварищей по перу. Обязательно! Чтобы учиться у них, как *не надо* писать.

Когда я смотрю на коммунистов – чувствую себя демократом; когда гляжу на демократов – чувствую себя коммунистом. Когда смотрю на тех и других одновременно – чув-

ствую-ощущаю себя *человеком*.

«Я тебе правду-матку всю в глаза выскажу!» – «Ой не надо, не надо пугать меня матками!»

Лучший способ похудеть – гельминтоз.

Из деревенской прозы: «На лугу паслась говядина...»

Да, Наталия Медведева писала свой роман «Мама, я жулика люблю» кровью... Но не сердца, а – менструальной.

Графоман – человек, страстно мечтающий стать аристократом.

Может ли антисемит быть графоманом?.. А – гурманом?..

У Лермонтова: «...с свинцом в груди и жаждой мести...»
Ничего себе грудь – Пушкин ранен был практически в пах...

На встрече читателей с Э. Лимоновым: «Скажите, если не секрет, а кто является прототипом главного героя романа “Это я – Эдичка”?..»

Геройское в глазах друзей-приятелей умение выпить литр водки и не забалдеть на языке медицины называется проза-

ичнее и скучнее – вторая стадия алкоголизма.

Кандидат скатологических наук.

Мальчик-дрочун.

Клинический диагноз: верит рекламе.

Маститый писатель?.. *Маститой* может быть только писательница; писатель, разве что, – *простатитым*...

Убеждённый мазохист: регулярно истязает себя похмельным синдромом.

Назвав даму красивой, джентльмен весьма сильно польстил... своему вкусу.

Тексты Владимира Сорокина так же похожи на литературу, на прозу, как коровьи лепёшки на лепёшки обыкновенные, сдобные.

На ломоть хлеба толсто намазал горчицу, сверху положил кус густо проперченного копчёного сала, посыпал измельчённым репчатым луком, облил хорошенько кетчупом, затем наполнил стакан до краёв самогоном и всё это, перекрестьясь, принял... Так кончают самоубийством язвенники.

Прямо не девушка, а... комбинация отверстий для сексуальных игрищ!

Все рекламируемые товары – фальсифицированы!

Лучше стоять в очереди в вендиспансер, чем – в крематорий.

Уже по первой главе романа Т. Толстой «Кысь» видно-чувствуется – какая это гнусь!

На небе то Луна, то Месяц... Господи, везде трансвеститы!

ФИШКА ДВОЙНАЯ. *Вариант 1 (для умных):* Умный дурака узнает всегда, дурак же умного – никогда. *Вариант 2 (для дураков):* Умный дурака узнает всегда, потому что сам был в его шкуре, пока не набрался ума-разума; дурак же умного – никогда, потому что никогда им не был.

Когда автор ворует у одного – это плагиат; когда у многих – постмодернизм.

Докомпьютерный писатель.

Из воспоминаний о Бунине: перед тем, как начать писать новый рассказ, он за несколько дней до этого полностью прекращал употреблять спиртное... Смешно и с ног на голову. Наоборот, Иван Алексеевич писать начинал потому, что не пил уже пару недель и полностью протрезвлялся.

В стол пишут Платоновы и Булгаковы. Чтобы писать в стол, надо доказать вначале, что имеешь на это право, талант.

Оказывается, существуют: писатель-реалист, писатель-антифашист, писатель-шестидесятник, писатель-демократ, писатель-новатор, писатель-деревенщик... Всего 33 разновидности согласно словарю. Ничего себе, выбор для мечтающих о писательской стезе!

Современный писатель-постмодернист вещает в телеинтервью: «Я уж не говорю, что Достоевский не художник...» Здесь это «я уж не говорю» особенно умиляет.

Литература буквально измельчала: брошюрку в 20 страниц называют книгой, произведение в сто страничек считают романом... Скоро, вероятно, появятся однострочные рассказы и двухстраничные повести.

Начитались... Что дальше?

У Достоевского совершенно не хватало времени, чтобы писать коротко.

В литературе, как и в обществе, можно обратить на себя внимание сразу: сказать умное новое слово или... демонстративно испортить воздух. Последнее сейчас в моде.

Как есть публичные девки, точно так же существуют и публичные писатели.

Исповедальная проза иных писателей очень похожа на стриптиз души.

Выражение «Словам тесно, а мыслям просторно» употребляют обычно в похвалу. А ведь если вдуматься в смысл: слов много, им тесно, а мыслей, наоборот, маловато, просторно им. То есть пустословием человек занимается, многословен.

Иск к писателю: по вашей милости сломал себе челюсть. Как так? Читал вашу книгу и такая зевота одолела... Сломал-с!

Вопрос писателю: «Вы пишете по вдохновению?»
«Непременно! Встаю утром, писаю, завтракаю, вдохновляюсь и пишу 5,5 страниц каждый день...»

Страшный сон середины 1990-х: война началась – то ли с Америкой, то ли с Украиной...

Писательские профессии и социальные роли наших дней. писатель-коммерсант, беллетрист-предприниматель, сочинитель-кооператор, властитель дум и кошельков, поэт-торговец, романист-спекулянт, повествователь-барышник, прозаик-хапуга, новеллист-хват, драматург-коммивояжёр, критик-волкодав...

Бунин сделал резкое замечание собеседнику за то, что тот сказал «отнюдь» вместо «отнюдь нет». А сам пишет неблагодарное «с раннего утра» и тавтологическое «в своей автобиографии»... Учителем быть сложно и ответственно!

Как хорошо, что Лев Толстой и Чехов не стали лауреатами Нобелевской премии. И жаль Максима Горького, что он им не стал...

Социальное положение периода перестройки: домашний хозяин.

Интервью по телеящику с представителем нового правительства: «Скажите, почему цены подскочили в сто и более раз, хотя вы обещали не более 5-кратного повышения?»

«(простодушно-бессовестно) Ну, представьте, что бы было, если б мы сразу сказали правду – нас бы просто смели...»

Свобода маленького человека – в отсутствии ответственности.

Не каждый человек, помнящий свою национальность – националист.

Диалог начала 1990-х: «Ну, как жизнь идёт?» «Да так – ваучерно. И всё ваучернее и ваучернее!»

Трагедия умного человека в том, что он понимает бессмысленность жизни.

Вышла первая книга писателя. Громадный неуспех! Наутро он проснулся незнаменитым.

Стать писателем – зависит от человека; стать известным писателем – от случая.

Может быть, Гоголь сжёг вторую часть «Мёртвых душ», надеясь отодвинуть смерть? Он ведь уверен был, что умрёт, как только исполнит предначертанное ему на земле...

Одиночество – неизбежность. С этим надо мириться. Уж

если Антон Павлович Чехов (!!!) был одинок...

Иногда трудно понять-определить: писатель *ещё* неизвестный или *уже* неизвестный?

Бесспорно, это прекрасно – новая женщина, новый город, новая книга... Но только истинный гурман жизни понимает прелесть и ностальгическую сладость новой встречи с прежней любовью, городом юности, ошеломившей тебя когда-то книгой, старым фильмом...

Человек стоящий на лоджии 25-го этажа невольно ощущает себя Богом...

Неразрешимая загадка для любого из нас, ещё живущих, – самоубийство другого человека.

Хемингуэй своей судьбой ярко доказал, что жизнь человеческая зависит только от Всевышнего: десятки раз погибал на фронте, охоте, в авто- и авиакатастрофах, от болезней, а кончил самоубийством...

Спор между материалистами и идеалистами смешон. Да, мир объективен и существует независимо от сознания, но каждый человек видит *свой* мир, свой вариант, созданный собственным мозгом, воображением.

Если б человек был бессмертен в земной жизни, тогда б только самоубийство имело смысл.

Смотришь на картину иного художника, читаешь под названием: «Холст, масло, 150x180 см» – как жалко и холст, и масло, и эти 150x180 см!

«Вы антисемит?!» – «Ни в коем случае! Я всего лишь – юдофоб.»

В русской литературе только одно произведение эпического жанра поражает *зрелостью юного* автора – «Герой нашего времени». Даже «Бедные люди» и «Детство» – сентиментально-юношеские.

По набережной Цны идёт парочка и щебечет по-французски. Сразу пахнуло *сеном*.

Истинно гордый человек не тот, кто стыдится, например, сдавать пустые бутылки или просить в долг, а тот, кто сдаёт бутылки и одалживается у соседей, сознавая при этом, что входит в сотню людей, которые только и останутся в истории от текущего времени.

Авангард: для немногих истинно талантливых и искрен-

них (и авторов, и читателей) это – своеобразный наркотик. В основном же это – прибежище бездарей, графоманов, ходульное кривляние, попытки создать из пустоты видимость.

Жёсткий реализм: невероятность обыденного.

Достоевский в «Бесах» в судьбе Степана Трофимовича Верховенского, в описании его последних дней с точностью до мелочей за 40 (!) лет предсказал и описал *уход* Л. Толстого.

Задача для иностранцев, изучающих русский язык: существует ли один синоним к словам «сделать», «запретить» и «реабилитировать»? Оказывается, есть – «снять»: снять фильм; снять фильм с проката; снять фильм с полки. О великий и могучий!

Для человека малообразованного и ограниченного знамениты только те люди, о которых знает он.

Кто остановится перед мутным, холодным, бурливым, но мелким ручьём Страх, тот не погрузится в безбрежные тёплые волны моря Победы.

Чтобы любить и понимать Рубцова и Есенина, надо прежде всего быть русским.

У нас много людей, прекрасно знающих географию и экономику *всех* зарубежных стран – то и дело слышишь: «Ни в одной стране мира этого нет!..»

«Вы антисемит?!» – «Нет, я мизантроп.»

Идея – это одно. Партия – другое. Партаппарат – третье. Кто этого не понимает – дурак. Кто понимает, но продолжает смешивать и подменять – подлец и негодяй.

Главное – литература. Всё остальное для неё лишь материал и фон.

В литературе существует пять рангов-степеней: графоман, профессионал, хороший писатель, талантливый и гениальный.

Как есть половые извращения, так есть и умственные, творческие. Но если педерасты, мастурбаторы и педофилы, как правило, напоказ выставляют себя не решаются, то модернисты-онанисты, андерграундные педики и авангардисты-зоофилы гордятся-кичатся собой, своей болезнью. Этим-то они и особенно отвратны.

Трагедия графомана: ни разу не испытал оргазм вдохно-

вения.

Искусство чистой формы (авангард, заумь) может вызвать удивление, раздражение и даже у отдельных снобов восхищение, но оно не способно вызвать наивысший отклик в душе читателя (зрителя) – смех или слёзы.

Все мы – созревающие трупы.

Если есть физические лица с физическими недостатками, значит должны существовать и юридические лица с юридическими недостатками.

Психология читателя. Будут рядом опубликованы две статьи: о человеке, подавшем 25 рацпредложений, и о человеке, изнасиловавшем 25 женщин, – сто процентов читателей кинутся читать вторую...

Из предвыборных агитречей: «Этот кандидат для многих избирателей отнюдь не тёмная лошадка, а вполне светлый жеребец...»

Прежний статус – старый еврей. Нынешний статус – новый русский.

Диетическая проза.

Любовь может быть фальшивой: ненависть – всегда искренна.

Это была яркая личность, в нём всё было выражено ярко – даже похмельный синдром...

Истерический роман.

Журналисту избавиться от вранья не так уж и трудно. Для начала надо забыть про зачины типа: «Всем известно...» и «Каждый знает...»

Биологи делят развитие человеческого организма на 11 стадий: оплодотворение – эмбриогенез – роды – грудной период – ясельный – дошкольный – школьный – юношеский – взрослый – старческий – смерть. Очень удобно: знаешь, сколько ступенек уже прошёл, сколько осталось. Если, конечно, не обманывать себя на переходе от взрослости к старости.

У него даже зуб мудрости запломбирован.

А что если Достоевский в «Бесах» не *предвидел*, а – *подсказал*? Что если бесы восприняли роман как руководство к действию?..

Чтобы умнеть, повышать свой интеллект, надо – читать. Но мало читать, надо – понимать читаемое. Но мало понимать, надо – осмысливать. Но мало осмысливать, надо – запоминать осмысленное. Но мало запоминать, надо – использовать-применять в жизни.

Жизнь прожить надо так, чтобы в старости во время вечернего променада с бадиком было о чём вспоминать.

В вашем произведении много нового и интересного. Но, к сожалению, интересное не ново, а новое не интересно.

Компромиссный антисемит: евреев не любит, а евреек, особенно в постели, – обожает.

Самый лучший способ избежать страданий от общения с женщинами, это – онанизм.

В русской литературе для *настоящего* писателя есть два пути: 1) не пить, работать на износ и закончить литкарьеру «Братьями Карамазовыми»; 2) сразу написать-создать «Тихий Дон», а потом работать спустя рукава, пропивая талант.

И пить и плодотворно работать могли только американцы – Фолкнер, Хемингуэй, Лондон...

Когда присутствуешь на 80-летнем юбилее иного писателя Пупкина, в голову невольно лезут нехристианские мысли: ну почему Господь такой жизненный срок вместо Пупкина не подарил Лермонтову, Чехову или Достоевскому?..

При виде плавающих уток на пруду один жалеет, что не прихватил ружьё, другой, что не захватил краюху хлеба...

Самые великие писатели умирают не раскрывшись, не реализовав себя, инкогнито.

Совершенство – это тупик.

Каждый тупик при приближении к нему может оказаться поворотом.

Не любить и презирать писателя, отказывать ему в таланте можно только – прочитав его.

Писатель-реалист – творец. Писатель-модернист – конструктор.

Вездесующий человек.

Вот так и проходит – мать её! – gloria mundi...

Три мужика, купившие ночь любви с Клеопатрой ценой жизни, просто дураки: вся сладость не в самой ночи любви, а в воспоминаниях о ней.

Человека от животного отделяют всего несколько ступенек, и самая высокая из них – Литература.

Диагноз: у этого писателя запор мыслей и диарея слов.

Если бы Пушкин прожил как Лев Толстой до 82 лет, он умер бы в один год с Достоевским!

Запойный читатель – это кокон-куколка, из которого при благоприятных условиях может вылупиться мотылёк-писатель.

Каждый человек живёт с Надеждой. Поменьше людей – с Верой. Ещё меньше – с Любовью. И уж совсем редко у кого живёт-ночует София. А так хочется (в этом смысле) быть султаном и иметь полный гарем!

Многие думают, что самые типичные и распространённые писательские болезни – графомания и мания величия, а на самом деле... геморрой.

Нарядился шутом – звени бубенчиками!

ФИО для дамы: Мокрица Таракановна Каракатицева.

Литругательства: Амфибрахий долбанный! Анапест во-
нючий!..

Хотел сказать о юбиляре: «Это очень скромный человек!», но проговорился и ляпнул вместо «человека» – «та-лант»...

Слова «дворянин» и «дворник», между прочим, – одного корня.

Правитель Горелпут и его поданные горелпуты. (ГОРба-
чёв, ЕЛЬцин, ПУТин).

Если у человека нет врагов, он – пустое место.

Деньги – мусор. Стоит ли кичится тем, что ты активнее других играешь роль мусоропровода?

«Сложные» писатели-модернисты напоминают врача, который гланды пытается вырезать через задний проход, а геморрой оперирует через носоглотку.

Цезарь и Наполеон говорили невнятно, но это была про-

блема не Цезаря и Наполеона, а – окружающих.

На его лице печать интеллекта отпечаталась не очень отчётливо.

Почему-то когда в Германии делают малолитражку, получается «Фольксваген-жук», когда в России – «Ока».

Писатель – это вуайерист и эксгибиционист в одном флаконе.

«Санья» Захара Прилепина – это же «Андрей Кожухов» нашего времени.

Любовь ужасна. Сначала она делает человека сентиментальным и глупым, затем злым и мстительным, а в итоге – просто несчастным.

Когда жена говорит мужу, что он придурок, она просто констатирует факт, что он живёт при дуре.

Девушка гордо несла полную пазуху грудей.

Девушка была укомплектована по полной: в пирсинге, тату, бородавках, прыщах...

Девушка с силиконовым ртом, весьма напоминающим коровий анус.

Меня не волнует, что думаю обо мне другие. Мне важно, что думаю о других я.

Трудно признать умным человека, демонстративно сверкающего дырками на джинсах.

Человек, использующий мат в речи, в прямом смысле слова – примат.

Бездарь пишет сложно о простом. Профессионал умеет писать просто о простом. Таланту по плечу написать сложно о сложном. И только гений способен написать просто о сложном.

Смена эпох: было аналоговое время, теперь – цифровое...

На обложке книги замануха – «Премия “Национальный бестселлер”». В конце указан тираж – 5000 (пять тысяч) экз. Просто анекдот!

Нина Садур «Детки в клетке» – на 2-й странице: «У него был красивый еврейский нос...» На 10-й странице: «У неё были невыразительные славянские глаза...» Мда-а-а!..

Феномен дневникового помешательства Ясной Поляны...

Из рецензии в «ЛГ»: «Стихотворное творчество не выходит за границы благоразумной посредственности...» Умри, Денис!..

Ложь – средство от одиночества.

ЗАМЕТКИ ЗОИЛА

«Ундервуд» с дискетой

В наше время престиж писательского труда упал-опустился ниже пресловутого плинтуса. По многим причинам. И не последняя из них – откровения плодovitых авторов (преимущественно дам-детективщиц), на голубом глазу уверяющих в интервью, будто они каждый день без выходных и праздников настукивают на компе по 20 страниц текста, вот мол и выпекают каждый месяц по книжечки. Есть наивные люди – верят. Таким хочется посоветовать: попробуйте сами набрать-напечатать на клавиатуре 20 страниц хотя бы уже готового текста...

Казалось бы, удивляться уж нечему. Ан нет. Еженедельник «Семь дней», специализирующийся на рассказах о гламурных проблемах телекинотусовки, в 12-м номере за этот год несколько страниц посвятил почему-то некоей «писательнице» Юлии Шиловой. Интервью с ней обильно иллюстрировано фотографиями роскошных интерьеров жилья успешной героини – особняк забит блестящими стульями,

столами, кроватями в сусальной позолоте (со вкусом у «писательницы» явные проблемы). Удивился я отсутствию даже в «рабочем кабинете» сочинительницы компьютера и принтера, пробежал текст по диагонали и уже собирался закрыть интервью, как взгляд зацепился за такое откровение литдамочки: *«Я издала уже восемь десятков романов...»*

Согласитесь, считать романы, как яйца, десятками – это что-то новое. Просмотрел интервью внимательнее, и, как выражаются эти самые современные «писатели», волосы в жилах дыбом встали. Да и то! Оказывается, эти «восемь десятков» книг наша Юленька настряпала всего за несколько лет. Однажды *«купила старую печатную машинку. И началось... Вечером уложу детей спать – и давай строчить страницу за страницей...»* Настрочила-натюкала маникюрчиком первый «роман», принесла «дискету» (!) в крупное издательство, запугала мифическими покровителями «начальника» (о главных редакторах и директорах издательств Юля, видимо, не подозревает), тот испугался, «дискету» взял, но поставил условие, чтобы новорождённая «писательница» представила для серии ещё пять романов...

Дальше надо цитировать дословно, иначе меня заподозрят в мистификации: *«Выбила три недели... Всё это время практически не спала – днём занималась с детьми, а ночью писала. Сосуды на глазах полопались, но к сроку успела. Приехала в издательство с пятью дискетами, совсем без сил...»*

Уточняю-подчёркиваю: наша Юля уверяет, что выдавала

по роману каждые четыре дня, вернее, ночи! Достоевский с его 26-ю днями просто отдыхает. Но главное даже не это. Признаюсь, когда в первый раз выскочила дискета, подумалось, что это ошибка-опечатка. Но когда их выскочило из «Ундервуда» целых пять! После такого уже почти и веришь, что эта жрица творчества сумела за три недели пять романов родить. Почти уже веришь и следующему пассажиру-откровению: *«Первые 12 романов я написала бесплатно – так хитро был составлен контракт издателем. Но на это я даже внимания не обращала – балдела от стука пишущей машинки...»* Жаль, балдеющая Юля так и не уточнила, как и куда в свою пишущую машинку она вставляет дискеты...

Ну а если серьёзно... Кукловоды даже не удосужились хотя бы объяснить «писательнице» процесс и технику писательского труда, не посчитали нужным. Свечку, конечно, никто не держал и кто там знает – *нормальным* или групповым творчеством занимаются все эти раскрученные сериальные авторы-детективщики, но прежде они, по крайней мере, хотя бы наивных читателей могли уверить, что можно каждый день настучивать-выдавать на компьютере страниц 20 нового текста и выдавать каждый месяц по книге. А теперь, выходит, так заелись и покрылись сусальным золотом, что правдоподобно сочинять даже в своих гламурных интервью не считают нужным.

Макулатурная память

В «брежние» времена, как к ним ни относишься, было много хорошего. В передаче 1-го канала «Какие наши годы! 1975», показанной в праздник 1-го мая, в общем-то, вспомнили немало: достижения в космосе, выпуск современных мопедов, начало массового строительства 16-этажек, новые веяния в моде...

Однако только лишь разговор коснулся литературы – странный сбой. Нет, непреложность факта, что Советский Союз был действительно самой читающей страной в мире вроде бы не отрицался, но преподнесено-показано это было сквозь призму макулатурной темы. Ведущие Леонид Парфёнов и Татьяна Арно, пригласив в качестве эксперта-собеседника детективщицу Татьяну Устинову, вместе с ней начали нас убеждать, что главным литературно-читательским событием 1975 года якобы был роман «Три мушкетёра», который можно было достать-обменять на 20 кгэ макулатуры. Тогда юной и ещё незадачливой Т. Устиновой Д'Артаньян со товарищи не достались – «писательница» до сих пор в скорби...

А мне лично, как, думаю, и многим другим читателям старших поколений, помнится из литературного 1975-го другое: очереди в библиотеках за номерами «Огонька», в котором публиковался новый роман Юрия Бондарева «Берег».

Да и в книжных магазинах (уж за макулатуру или просто за деньги – право, не помню) расхватывали только что вышедшую, как бы мы сейчас сказали, культовую книгу той эпохи – «Судьбу» Петра Проскурина. А помимо этого далеко не всем желающим доставались и другие новинки-«бестселлеры» 1975 года: первый посмертный сборник рассказов Василия Шукшина «Беседы при ясной луне», сборники стихов Евгения Евтушенко «Отцовский слух», Андрея Вознесенского «Дубовый лист виолончельный», Беллы Ахмадулиной «Стихи», Бориса Соколова «Четверть века», Евгения Винокурова «Контрасты», Владимира Солоухина «Лирика»...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.